

ГЛАВА 2.

Июль 1988 года

В 1987 году журнал Karnjanauksorn написал, что 200 тысяч таек работают в Европе проститутками. Тайский Development Newsletter 1986 года сообщает о 50 тысячах тайских проститутках, работающих в Японии. В 1988 году г-н Скробанек (издание Rattanawannatip) заявил, что 15-25 процентов всех таек в возрасте от 15 до 30 лет являются проститутками. В 1988 году во время Британской конференции Foreign Bodies, посвященной проституции в Таиланде, Скробанек заявил: «Мы превращаемся в ССИ – страну сексуальной индустрии, а не в ПРС – промышленно-развитую страну».

Сама я росла в нью-йоркской квартире, выходящей на Центральный парк. Моя юность проходила в 60-х. Это был бунтарский период, когда я поддерживала уличные пикеты, курила траву и слушала рок-н-ролл. Тогда же мой отец заболел болезнью Паркинсона и умер. К тому времени, как мне исполнился двадцать один год, моя семья вконец обнищала, так и не научив меня ценностям поколения любви: у меня не было денег, никаких навыков к работе, никакой ответственности, чувства долга, и никакой цели в жизни. Злая и опустошенная, я отдала своего йоркширского терьера матери и сбежала из города, в котором, казалось, не было для меня места.

Я перебивалась случайными заработками, а затем случайно услышала о комьюнити людей, живущих на пляжах Индии, и я отправилась туда. Шесть лет спустя, после смерти близкого друга, я оставила Индию, моя жизнь была разрушена и пуста. Я возвратилась назад в Нью-Йорк, мне требовалось заново понять свою жизнь и наметить новые цели и ориентиры. Как взять себя в руки и осмыслить новую философию своей жизни? На горизонте остались лишь тени того, что я потеряла. Я поступила в университет. Чувствуя себя иностранцем в своей родной культуре, я переключу-

чилась на антропологию и изучение иностранного образа жизни. Мне нравилось это. Изучение развития человека в разной среде, начиная от пещеры и кончая небоскребом, привело меня к исследованию моего личного пространства, начиная от пляжа и кончая компьютером. Освоение теории взорвало мой мозг так же, как и психотропные препараты. Знания, которые я получала, были похожи на знания, полученные в ЛСД-трипах. Я могла бы довольно долго получать образование, но студенческие кредиты, гарантируемые правительством, могли профинансировать меня только до степени доктора наук. Я все еще болела Азией, и вновь хотела вернуться туда уже с особой миссией. Полная решимости и желая самоотверженно отдалась этому делу, я решила сделать что-то доброе и хорошее для тайских проституток. Один мой давний друг, который умер в Индии, был когда-то женат на одной из них. Тогда я еще толком не понимала, что полезного могла сделать для них. По прибытию в Таиланд я обратилась в Национальный исследовательский совет с просьбой изучить Патпонг. Они отклонили исследование этой темы и попросили изменить ее, если я хотела остаться в их стране. В Таиланде проституция была незаконна, и тем не менее это был их основной источник внешних поступлений. Но правительство не желало официально признавать ситуацию. Они не хотели слишком много шума и привлечения внимания к этой ситуации. Тогда мой австралийский сосед посоветовал: «Ты лучше смени тему, малышка. Как насчет темы «фабрики по производству шелка»? Им бы понравилось, если ты напишешь об этом. Можно было бы использовать это в бизнесе». Обдумав все советы, я решила не изменять свои цели. Меня крайне беспокоило такое отношение к женщинам Патпонга. Их несправедливо отвергло общество, их осуждали власти, они считались позором у себя дома. В рамках подготовки к поездке я уже знала, что эти женщины считаются в обществе изгоями и плохими людьми. В действительности же они серьезно поддерживали свои семьи и даже общины в финансовом плане. Я хотела осветить то, что тайское правительство хотело скрыть. Они спокойно принимали деньги, получаемые проститутками, и в тоже время называли этих женщин отвратительными. Тема моей работы утвердилась и крепла все больше, я верила в нее, тем более я должна была сделать что-то стоящее, чтобы восполнить годы, которые я потратила, хиппуя в молодости. К тому же тутовые шелкопряды совсем не возбуждали меня. Так как я выросла в 60-х, бунтарство было моей второй натурой. Поэтому я не

сочла нужным уведомить моих преподавателей относительно решения Национального Исследовательского Совета. Я сомневалась, что у Совета было достаточно средств, чтобы проследить за тем, изменила ли я тему своего исследования. Никто не стучался в мою дверь с этим вопросом. И все же нужно было быть осторожной. Поскольку Совет отклонил мое предложение, они также отказались давать мне визу. Я жила в Таиланде по туристической визе и мне приходилось выезжать за границу каждые три месяца. Я не хотела попасть в черный список при следующем выезде за границу.

Спустя три дня после той встречи с Понг, я вернулась за ней, чтобы забрать ее из бара. Я искала глазами Джека, когда пересекала угол Патпонга-3 и Силом-Роуд. Он сидел там, на чьем-то припаркованном мотоцикле. Спрыгнув, он пожал мою руку.

– О-о-о, мы встретились снова. Куда ты сейчас идешь? – спросил он.

Когда тайцы приветствуют друг друга, они делают это иначе чем западные люди, они не говорят «привет, как дела?». Они спрашивают «куда вы идете?» Эти вопросы не подразумевают подробного ответа. То есть не надо сообщать свои географические координаты, куда вы направляетесь, или рассказывать подробности вашего здоровья. Тайский эквивалент “хорошо, спасибо” выглядит как движение подбородком вверх, после чего они просто меняли тему. Мне, как человеку, незнакомому с этим обычаем, было трудно не начать объяснять, куда я направлялась.

– Что ты делать?

Я не хотела говорить ему о моем исследовании, поэтому просто сказала, что искала его. Но прежде чем он мог неправильно истолковать меня, я добавила, что просто проходила мимо и решила поздороваться с ним.

– Я всегда здесь. Никогда не иметь свободный день. Мы идем в отель?

Я все еще не понимала, предлагал ли он себя или кого-то другого, но интерес взял вверх, и я согласилась.

– А отель дорогой?

– Короткое время не дорого. Мы идем сейчас? Я оплачивать отель.

Ну, по крайней мере, мне было лестно знать, что он не рассматривал меня как клиентку, желающую купить его время.

– Не сегодня, – сказала я и направилась дальше. Возможно в следующем месяце. Он остановил меня, чтобы пожать мою руку на прощанье.

– Хорошо, тогда, я жду тебя. Ты приходишь еще раз.

Я шла и размышляла о том, что неплохо бы следить за тем, что говорю ему, ведь он был опасно красив, чтобы играть с ним. С ним я вела себя серьезно, пусть так и думает, но что, если он подумает, что я хочу его этим покорить?

В восемь вечера бар был пуст, без единого клиента. На сцене танцевали семь обнаженных девушек, и более тридцати сидели за столами напротив стены. Понг удивилась, увидев меня. Она и ледибой помахали мне со сцены. Понг помчалась, чтобы обнять меня, не сильно заботясь о том, чтобы сначала прикрыться. Я отдала ей 500 батов (20\$), чтобы выкупить ее на ночь, и она ушла, чтобы заплатить в бар и одеться. Когда она проходила мимо сцены, то махала деньгами перед другими девочками. Я снова задалась вопросом, может лучше не иметь информатора, чье место работы специализируется на мошенничестве иностранцев.

Мы поехали на такси в джаз-клуб Brown Sugar, находящийся возле языковой школы, в которой я учила тайский язык. Я надеялась, что случайно не столкнусь с однокурсниками. Я еще так и не сказала Понг об исследовании, и я волновалась, что кто-то другой скажет ей об этом. Я держала в руках меню и наблюдала за ней, как она делает заказ, не имея понятия, что там написано. Нахмурившись, она поглядела в меню, а затем спросила официанта, есть ли у них бутерброды. Мы присели и стали ждать наш заказ. Понг сказала:

– Клео даст деньги, покупать сигарету, хорошо?

Я дала ей деньги. Когда она встала из-за стола, я быстро написала в своей тетради: «Попросила деньги очень легко, ожидая, что люди дадут ей все, что она захочет». Она вернулась с пачкой сигарет и закурила. Теперь я хотела подружиться и сблизиться с ней. Мне нужно было, чтобы она доверилась мне и с легкостью рассказала бы о своей жизни. Я рассказала ей, что раньше была хиппи и жила на пляжах в Индии. Я думала, что рассказы о себе расположат ее ко мне, такой же отверженной, но она просто кивнула в ответ и продолжала озиаться, рассматривая других посетителей.

– Я приехала в Таиланд и влюбилась в него. В конечном счете, мне пришлось бросить свой дом в Индии. Наркотики и тусовки почти доконали меня. Я должна была изменить свой образ жизни. Теперь я – серьезная студентка, и я пытаюсь сделать этот мир лучше.

Понг казалась незаинтересованной, но так или иначе я продолжала.

– Может, я и не смогу изменить мир, но я хотела бы сделать что-то для женщин.

Я открывалась ей, говоря об исследовании, о том, что я отметила силу женщин Патпонга, о том, что хотела изобразить их как героинь, а не монстров, какими их делало общество. Понг, казалось, не слушала вообще. Ее внимание было сосредоточено на компании бизнесменов в соседнем зале. Я спросила ее на тайском:

– Ты замужем?

В Таиланде было немыслимо идти по жизни без супруга.

– Муж. Я иметь, – ответила она.

– Где он?

– Работает в бар. Муж, человек ислама.

Она снова коснулась носа.

– Понг, буддист. Прежде, иметь мужа из Ирана.

– Твой муж работает в баре?

Она кивнула. Я не стала спрашивать, как он относился к ее работе, потому что могло показаться, что я думала, что он не одобряет ее.

Надо быть аккуратнее в беседах о Патпонге, чтоб не показаться критически настроенной. Я узнала, что Понг приехала из северного Таиланда. Она была из бедной семьи и поэтому не могла пойти в школу.

– Папа умер. Мама и младшая сестра, совсем нет денег. В прошлом месяце, младший брат иметь несчастный случай, – сказала она снова приложила палец к носу. – Понг болеть.

Она описала свою болезнь — у нее было что-то с сердцем, думаю, это была аритмия. В этом не было ничего удивительного, учитывая ее работу и положение, в которое она попала в связи с семьей.

– Ты посылаешь деньги своим родным?

– Если я не посылать деньги, они не едят. Посылать деньги для тетей и дядей. Племянник нуждается в карандашах для школы.

Газеты писали о нищете в сельском Таиланде, и женщины Патпонга мастерски научились вызвать сострадание и великодушие у иностранцев. Мужчины рассказывали мне, как с огромным альтруизмом тратили огромные деньги на девушек. Я решила, что рассказы Понг о тяжелом положении ее семьи подразумевало ее немую просьбу о милосердии. Чтобы сменить тему разговора, я спросила на тайском, путешествовала ли она куда-нибудь.

– Понг ездить на Самуи, – сказала она.

Остров Самуи, расположенный на юге Таиланда, это туристический курорт, куда иностранцы брали с собой девушек на несколько дней.

– Одна? – спросила я, заранее зная ответ.

– С немецким человеком. Он оплатит бару одну неделю.

Она засмеялась, толкнув меня в плечо, и подняла два пальца.

– Только два раза заниматься с ним любовью. Остальное время,

Понг говорить ему, что чувствую себя не хорошо. Болеть.

Я засмеялась вместе с ней.

– У тебя есть дети?

– Мальчик и девочка.

– Есть их фото?

У нее было всего две фотографии. Одну из них она хранила в номере ее гостиницы.

– Они не симпатичные, – добавила она. – Слишком худые. Тайцы считают худобу уродливостью, потому что это вызывает ассоциации с бедностью. Затем Понг показала фотки японского и американского друга, сказав, что они сами дали ей их адреса. У нее было много-много адресов таких вот друзей.

После обеда она захотела вернуться в свой бар, сказав, что представит меня своему мужу. Ей, казалось, хотелось вернуться на Патпонг, так что она предложила мне множество мест, куда мы могли пойти в случае, если мне не захочется остаться в ее баре. Понг действительно никуда не хотела идти кроме Патпонга. Любое место на Патпонге, недалеко от ее бара, было лучшим вариантом. Мы остановились на дискотеке Super Star напротив бара Winner's. Так как было еще рано, мы пришли на дискотеку и сели в баре.

– Надеюсь, я не должна снова платить за шоу, верно?

– Нет больше. Клео друг теперь.

Возвращаясь на Патпонг, мы остановили такси поблизости, и решили прогуляться пешком. На улице толпились продавцы, туристы и зазывалы, к тому же еще киоски мешали идти по прямой линии. Иногда Понг останавливалась, чтобы поболтать с друзьями. Мы вошли в клуб на Патпонг-2. Во внутренних дверях стоял модно одетый молодой человек с современной панковской стрижкой и серьгой в ухе. Она представила его как своего мужа.

– Онг, – сказала она.

Онгу было двадцать два года, на шесть лет моложе самой Понг. На тайском имена Понг и Онг не рифмуются, потому что одно произносится с низкой тональностью, а другое с возрастающей, и подходит больше на вопрос – Онг? В клубе она осмотрела все залы, а потом затащила меня в один из них, потому что там сидел блондин, которого она знала. Она положила руку ему на колено и целиком посвятила себя ему на целых полчаса. Всего несколько раз она по-

вернулась ко мне, изображая жест «еще минуточку». Когда пришла хозяйка, мне пришлось заказать напиток. Я заказала также один для Понг, надеясь, что это напомнит ей обо мне, но в ответ она показала мне еще один знак «подожди минуту». Ладно, я согласилась и переключилась на шоу, где девочка на сцене стреляла дротиком из соломинки, вставленным в ее влагалище.

Лежа на спине, она сокращала мышцы живота, нацеливая стрелу на воздушный шар. Я удивилась, что мужчины, которые сидели рядом, не боялись, того, что вдруг она могла промахнуться. Понг поймала менеджера, когда он проходил мимо, и представила его мне. Молодой двадцатилетний китаец родом из Гонконга увел меня за локоть в угол так ловко, что я даже не успела опомниться и возразить. Эй! Мне он был совсем не нужен. Я не хотела покидать Понг. Я купила ее время на всю ночь и она, как полагается, не должна была работать! Сидя рядом с диджейской кабинкой, я находилась между колонной и этим менеджером, и поэтому не могла видеть Понг и наблюдать за ее действиями. Подождите, что-то идет не так, как я задумывала! Понг была увлечена фарангом, а я была здесь, с этим человеком. Он взял мою руку и предложил выпить мне у него дома. Также последовало приглашение в кино, и желание узнать мой номер телефона. Он вежливо задавал вопросы о личной жизни.

– Сколько тебе лет? – нетактично спросил он.

– Тридцать восемь!

– Не может быть, – сказал он.

Люди не давали мне мой реальный возраст, я выглядела намного моложе.

– Ты не должна никому говорить, что тебе тридцать восемь. Говори, что тебе двадцать один. Тебе надо сделать волосы покороче, – посоветовал он.

Подстричься? У меня никогда не было другой прически, кроме длинных прямых волос. Как я позволила заманить себя в ловушку с менеджером бара Winner`s?

Я хотела вернуть свою руку назад, но каждый раз он напирал все больше и больше. Извиняясь и отодвигаясь от него, я хотела взять стакан обеими руками, чтобы постараться высвободить одну, но он ловко взял вторую руку. Я потеряла контроль над ситуацией! Надеюсь, что Понг и я скоро поедем на дискотеку. Я не обращала особого внимания на его болтовню, а думала о том, нужно ли мне лгать о своем возрасте в следующий раз. Когда я рассказала об этом Понг,

она была в шоке. В Таиланде идеальным женским возрастом считались двадцать пять лет. Для нее было невообразимо, что я – не замужем и без детей. Для Понг и ее менеджера я была будто с другой планеты. Сейчас же мне казалось, что пыл этого парня не угасал, и моя ладонь, заключенная в его руке, становилась влажной. Наконец настало время дискотеки, я бросила менеджера, взяла Понг, и мы прошли через зал, где я расплатилась за вход на дискотеку SuperStar.

Мы сидели в баре и общались, музыка гремела так громко, что я оставила попытки ее перекричать. Ее муж присоединился к нам ровно на одну минуту, после чего он вернулся к работе. Затем к нам подошел менеджер и снова прижал меня между стулом и Понг, но к счастью, ненадолго.

– Босс любит Глео, – сказала Понг, когда он ушел.

– Мэй ой (не хочу), – сказала я ей, закатывая глаза и гримасничая.

– Онг и Понг приходят к Глео сегодня ночью, – сказала она на английском языке.

– К Клео? – переспросила я и указала на себя. – Я?

Она кивнула так, будто это уже все было улажено.

– Куда-куда идут Онг и Понг?

Не понимая всей ситуации до конца, я пролепетала, что уже поздно и скоро уйду домой.

Она похлопала меня по колену.

– Я не понимаю тебя, – сказала я на английском языке.

– Мой муж и я будем спать в твоём доме сегодня, – объяснила она на тайском.

– Нет, нет, нет. Это невозможно, – сказала я быстро, придя в ужас от этой мысли. Она сморщила подбородок в гримасе разочарования. Или все-таки это была путаница? Я была смущена. Я боялась спросить, что она имела в виду, говоря о нас троих. Кроме того, слишком чувствовалась нехватка знания тайского языка. Я снова потеряла контроль над ситуацией. Больше она ничего не говорила об этом. Тем временем менеджер приказал Понг вернуться вместе со мной в бар, и я последовала за ней, поскольку она убедила меня, что должна была вернуться туда, чтобы что-то взять. Она привела меня прямо к нему и оставила с ним наедине. Мы снова стояли все на том же месте на углу, и он снова взял мою руку. По Патпону, казалось, проходят только два основных течения – это деньги и секс. Как бы мне продвинуться в моем деле, и не захлебнуться в этих водоворотах?

Вскоре я уехала. Дома посчитала свои расходы за ночь — оплата бару, ресторан, такси и девушка — 50 долларов. Очень дорогое удовольствие для человека, живущего в чужой стране и взявшего кредит на образование.

Я не могла себе позволить такие ночи каждый раз, когда мне заблагорассудится. Для моей диссертации я узнала слишком мало, этого явно не хватало. Нужно было найти лучшего осведомителя для сбора данных. Но где и кого? Живущих постоянно в Таиланде европейских мужчин было довольно-таки много. Статистические данные не были точны, так как многие из них жили тут нелегально. Многие жили в стране довольно долго, некоторые по десять, двадцать и даже более лет, находясь тут по туристической визе, вынужденные каждые три месяца выезжать за границу. Они оставались из-за тайских женщин.

Конечно же, мужчины во все времена платили за секс, но проституция в Таиланде разительно отличалась от западной тем, что женщины стран третьего мира использовали свою бедность как беззащитность, превращая тем самым отношения клиент-проститутка в отношения спаситель-жертва. Мужчинам нравилось играть роль героя, и по этой причине они не хотели покидать страну. Многие мужчины остались в Таиланде, как только началась война во Вьетнаме, сочтя Таиланд более гостеприимной страной, чем Америка. Остальные же были туристами, путешественниками, военными и бизнесменами, и часто тут застревали, не желая возвращаться домой, где никто особо с ними не считался. В Таиланде же, напротив, куда бы ни заходили западные мужчины — в бар, магазин, или же просто шли по улице, повсюду женщины дарили им подобострастные взгляды. Там, где царствовала бедность, западные парни были настоящим сокровищем. Многие из этих мужчин женились на женщинах, которых они встречали в барах Патпонга. Целью школы, где я изучала тайский язык, было преподавание английского языка тайцам, и многие фаранги с удовольствием работали учителями английского языка. Местные европейцы редко шли туда, чтобы выучить тайский. Большинство из них ограничивались знанием нескольких общих фраз, даже несмотря на долгое пребывание в Таиланде. Эта ситуация привела к отчуждению тех, кто не умел говорить на английском, доминирующем языке, и был от него зависим. Многие европейские женщины также с удовольствием учили тайский язык.

Однажды, в кафетерии своей школы, я встретила Сеймура, одного из английских учителей.

– Ты должна пообщаться с моей женой Тик, – сказал он, когда я выложила ему свою причину изучения языка.

Это было обычным явлением для мужчин-резидентов – предлагать мне своих экс-жен и подруг в качестве информаторов, без предварительной консультации с ними. И я согласилась. Теперь, когда я официально начала исследование, мне следовало продвигаться в этом направлении и не стоять на месте. Я уже целый год жила в Таиланде, и все, чего я добилась за это время, было личное знакомство с одним человеком с Патпонга, да и то это было дорогое и бестолковое знакомство. Когда я узнала, что жена Сеймура уже шесть лет не работала проституткой, мне показалось это отличным вариантом.

– Хорошо, спасибо! – ответила я ему.

Длинноволосый блондин с бородой, Сеймур был американец со среднего Запада. Он признался мне, что сначала приехал в Таиланд как солдат во время войны во Вьетнаме. Чтобы поддержать себя, жену и двух их дочерей, он преподавал английский по десять часов в день и ненавидел это.

Когда он взял свой поднос и ушел, другой учитель за нашим столом сказал мне: «не говорите Сеймуру, что я вам рассказал, но он – сбежал в самоволку с войны».

УШЕЛ В САМОВОЛКУ! История с Сеймуром и его женой Тик казалась все интереснее и интереснее. Наконец-то в моем исследовании появилась какая-то ниточка, и, возможно, это к чему-то приведет.

В следующие выходные Сеймур организовал нам встречу за обедом в кафе. Тик была низкой и полной, а ее длинные темные волосы были заколоты назад. Большинство тайских женщин были миниатюрными и худыми. Почти все женщины Патпонга носили распущенные длинные волосы, что делало их неотразимо сексуальными в глазах западных мужчин. Когда девушки из баров жили какое-то время с фарангами, они порой набирали вес и теряли свою поразительную красоту. Низенькая Тик, с волосами, стянутыми на затылке в хвост, уже была не столь привлекательна и не радовала глаз. Как только мы сели, она сходу сказала мне: «тебе слишком опасно ходить по Патпонгу, возможно, кто-нибудь захочет твоей смерти».

– На Патпонге много гангстеров, – произнесла она, наклонившись ко мне. – Убивать легко. Тик предложила мне взять у нее интервью. После фиаско с Понг эта идея казалась мне замечательной.

– Отлично, – ободряюще сказала я, поняв, что Тик и так уже все распланировала.

– У меня есть много подруг с Патпонга. Я иду встречать их, и они рассказать мне свою история. Я скрывать магнитофон в своя сумка. У тебя есть магнитофон?

– Нет, но я могу купить.

– Сеймур переведет для тебя на английском языке.

– Сеймур говорит на тайском языке?

– Нет. Я говорить ему. Он писать на английском языке, сделать хорошо. Позже я представлять тебя своему другу, так ты сможешь взять интервью сама. Никогда не ходи одна на Патпонг. Слишком много опасности.

Я задавалась вопросом, как люди будут чувствовать себя, когда узнают, что их тайно записывали на пленку. Но я не верила до конца, что Патпонг таит в себе опасности, о которых она говорила. Похоже, что она намеренно пугала меня, для того, чтобы я наняла ее. Я не стала с ней спорить, потому что и так собиралась нанять ее. Я нуждалась в помощи, и хотела, чтобы она чувствовала взаимное доверие.

– Я заплачу тебе 500 батов в неделю плюс расходы, – таково было мое предложение. Эти 100 долларов в месяц считались неплохой зарплатой для выпускника колледжа (которым она не была), 500 батов в неделю (20долларов) – это была хорошая сделка. Вряд ли у нее была работа на полный рабочий день. На секунду она посмотрела вниз и с хитрой улыбкой сказала: «я не говорить тебе вся правда, но вскоре говорить тебе всё, если ты доверять мне». Затем она начала рассказывать свою историю.

– Мой отец первый открывать гоу-гоу бар на Сои Ковбое, – сказала она. – У него также есть еще другой бар в Удон Тхани, в моем родном городе, в Исан. Когда я быть маленькая, американская армия приходиться в Удон. Моя семья арендовала казенный армейский коттедж. Я стирала рубашки. Делать хорошие деньги, 150 батов в месяц от каждого коттеджа, м-м-м. Мне было одиннадцать лет. Тайские мужчины не любить солдаты, потому что они забирать их жен, и никогда не возвращать. Девушка делает слишком много денег там. Имеет десять, двадцать солдат, они посылают ей деньги каждый месяц.

Пока Тик говорила, я пыталась выяснить, что было правдой, а что приукрашено, чтобы показать себя знатоком. Мне было трудно поверить, что ее отец оказался основателем гоу-гоу бизнеса.

Стирка рубашек, с другой стороны, казалась более правдоподобной.

Тик показала жестом на окно, которое выходило на торговую улицу.

– Отец владеет собственным зданием. Девять этажей, м-м-м. Я иметь очень богатая семья. Однажды я встречалась с г-ном Патпонгом через свою семью. В следующем году, когда мне тридцать лет, я наследую слишком много денег.

На этот раз я задалась вопросом, а не выдумала ли она все, что рассказала? Я заметила игривый огонек в ее глазах. После каждого предложения она делала паузу, чтобы просканировать меня, словно делала оценку моей доверчивости. Я приложила некоторое усилие, чтобы не показать своего недоверия. Она слегка улыбнулась уголками губ, значит, оценила мое доверие на пять баллов. Хотя Тик была домохозяйкой в течение шести лет, она все еще сохранила ту бескомпромиссность, без которой невозможно прожить на Патпонге. Конкуренция в барах была жестокой: агрессивность и способность прогибаться были жизненно важными умениями для выживания. Там, где деньги были важным ресурсом, в ход шли любые ухищрения, и от этого зависело, насколько хорошо или плохо ты будешь жить.

Когда мы расстались, мое настроение немного поднялось, я надеялась, что проект был не безнадежен. Ее рассказы вызывали у меня больше сомнений, чем доверия, я боялась, что все или многие ее истории будут выдуманы или сильно похожи на сказки. Но, несомненно, она могла бы стать для меня бесценным и перспективным работником.

Но когда прошла целая неделя, а от нее было ни слуху ни духу, надо было придумать другой подходящий план. Даже если вдруг она действительно выполняла свои невероятные обещания, я знала одно: я должна была быть там сама, на первой линии фронта. Нанимать кого-то, чтобы взять для меня интервью – это было уходом от сражения, которое я сама для себя придумала. Итак, Понг и Тик были планом А и В. Я застонала при мысли о плане С. Есть уполномоченные организации, которые занимаются девушками Патпонга. Я знала о них еще до прибытия в Таиланд. Я знала, что они использовали людей с Запада как добровольцев для преподавания английского языка. Поскольку Патпонг имел дело с туристами, то умение девочек говорить на английском языке способствовало общему процветанию, таким образом, работодатели не возражали против их посещаемости. Если бы я работала там, то точно повстречала бы много людей с Патпонга, и это показалось мне прекрасной

стратегией разведки. Но мысль о зря потраченном времени привела меня в уныние. И все же у меня не было особо большого выбора. Мои запасные варианты исчерпались. Организации, защищающие женские права и ратующие за улучшение жизни в Таиланде добились мизерного успеха. В стране процветали твердые взгляды о женской неполноценности, у женщин было меньше законных прав, в них воспитывались преклонение перед мужчинами и их почитание. Женская доля была обусловлена идеями буддистской религии, в которой центральное место занимала идея реинкарнации. Жизнь человека рассматривалась как звено в цепи предыдущих жизней: каждая следующая была наградой или наказанием предыдущей жизни. Цель состояла в том, чтобы остановить вечный цикл перерождения и достигнуть Нирваны. Люди могли достигнуть ее, лишь «заслужив» особым способом. Карма или судьба была суммой действий и мыслей всех предыдущих жизней и определяла настоящее положение. Судьба также влияла на пол человека. Если ты рождался женщиной, то подразумевалось, что у тебя было мало заслуг в прошлой жизни. Все это выливалось в то, что женщины-проститутки сплывались в организованные группы, защищая свои интересы. Тайские же мужчины придерживались двойного стандарта: они считали, что имеют право на сексуальную свободу, в то время как женщина должна была ограничивать себя одним единственным мужчиной. Проституция, по их мнению, была злом, которое разрушало жизни женщин. Будучи клиентами этих же женщин, мужчины не считали это чем-то из ряда вон выходящим. Я считала тайскую культуру губительной, и одобряла сексуальную индустрию за то, что она помогала женщинам избежать исторически сложившуюся роль бесправной самки. Поливстав литературу языковой школы Empower, я еще раз убедилась, какое мнение главенствует в этом обществе о девушках-проститутках, и взяла с себя слово держать свое собственное мнение на этот счет при себе.

В один прекрасный день я надела свое лучшее строгое платье, которое надевала каждый раз, имея дело с государственными чиновниками, и отправилась в школу Empower. Мне надо было приложить некоторые усилия, чтобы привести себя в порядок и выглядеть подобающим социальным стандартам образом, так как внутри я всегда была бунтарем и хиппи.

Моя квартира находилась всего в семи минутах ходьбы от Патпонга, а Empower был дальше вниз по улице Силом-Роуд. Найти нужный адрес на улицах Таиланда было непростой задачей. Номе-

ра домов не всегда шли последовательно, и я никогда бы не нашла Empower, если бы не умела читать по-тайски и не обнаружила бы ее в нужном переулке. К счастью, я начала изучать тайский язык и грамоту сразу по приезду в Таиланд, и это оправдывало мое промедление в исследовании. Мои преподаватели не торопили меня в изучении письменности.

Я вошла в здание и поднялась на второй этаж, где нашла офис. За столом сидели тайка и западная женщина с волнистыми светлокаштановыми волосами, которая просматривала картотеку.

– Добрый день, – сказала я. – Вам нужны добровольцы? – Здравствуйте, – ответила она. – Меня зовут Итан. Вы знаете, чем мы тут занимаемся? – Только то, что вы преподаете английский язык де-вушкам Патпонга.

– Пойдемте со мной, я вам покажу.

Она привела меня в комнату и начала объяснять.

– Empower был основан в 1986 году. Помимо бесплатных уроков английского языка, мы преподаем также уроки тайского для тех, кто не умеет читать и писать на тайском языке. Многие люди из этой страны имеют образование не больше второго или третьего класса, они слишком бедны, чтобы ходить в школу.

– Давно вы работаете здесь?

– Два года. Я приехала из Новой Зеландии, и теперь помогаю управлять этим местом.

Мы поднялись на третий этаж.

– Это класс.

Группа женщин сидела на ковриках у окна. Семь человек окружили свою учительницу, сидящую в центре. Глаза женщин блестели, губы были ярко накрашены, щеки пылали в полумраке комнаты, отражая яркое летнее небо снаружи. Драгоценности позвякивали каждый раз, когда кто-то делал жест. Итан и я тихо прошли на цыпочках и встали рядом. Учительница показала на девочку лет пятнадцати, в короткой блузочке и мини-юбке, она сидела скрестив ноги так, что были видны ее розовые трусики. Девочка произнесла ряд непонятных слов. Итан объяснила, что она недавно приехала с северо-востока.

Девчонки начинают работать, не зная ни слова по-английски. Но они быстро учатся. Учительница попросила чуть замедлиться и попробовать еще раз. На сей раз я смогла кое-что разобрать.

– Добро пожаловать, пожалуйста, войдите, как ваше имя, садитесь, какой напиток вы выбрали?

– Чего тебе еще хочется, детка? – спросил кто-то другой. Все тайки начали хихикать, склонив свои головы и прикрыв ладонью свои рты. Итан шепнула мне:

– Наши уроки английского направлены на тему баров и правильного поведения в них, потому что это актуально для наших девушек.

– Теперь давайте снова попробуем практику с предметами, – сказала учитель.

– Я начну. Можно ли взять пепельницу?

– Вот, пожалуйста, – ответила девушка с заколкой Бетти Буп в волосах.

– Спасибо. Приходите еще.

Вокруг девушек было разбросано много разных предметов, и они по очереди называли их, передавая друг другу.

– Пожалуйста, передайте мне портсигар. Спасибо.

– Не хотите ли взять презерватив?

– Возьмите, пожалуйста.

– Спасибо.

– Могу я взять кубик льда, пожалуйста?

– Держите.

– Я также возьму презерватив.

– Милости просим...

Итан объяснила мне, что многие женщины даже никогда не слышали о презервативах до того, как прийти к нам в школу.

– Превентивным методом мы все чаще и чаще поднимаем эту тему на уроках.

Я хотела ее спросить больше о СПИДе, но не перед классом. Когда мы тихо вышли на цыпочках, я сказала ей, что хотела бы преподавать.

– Мы действительно нуждаемся в людях для нового курса, который как раз начинается в понедельник. На самом деле у нас сейчас середина триместра, но некоторые девочки приходят посреди курса. Мы никого не прогоняем. Условия таковы: шесть недель учебы, затем двухнедельный перерыв, когда мы делаем нашу рассылку. Это осуществляется на Патпонге и служит для создания коммуникационной сети для девочек. Это о них и для них. Цель компании Empower – привить им чувство собственного достоинства.

– Вы видели информационную брошюру?

Я помотала головой, и она дала мне прошлый номер за апрель. Четыре гляцевых страницы содержали фотографии и истории нескольких девушек из баров, рассказы об их родных городах и их

деятельности. Она сказала, что я могу оставить ее себе. Я сразу обратила внимание на смешной комикс. Там была нарисована сценка в баре. Изображенный европеец показывал своей рукой на тайку в бикини, а у девушки был отсутствующий взгляд. «О чем ты думаешь?» – спрашивает он. Нарисованное облачко с ее мыслями показывает, что она сейчас не на Патпонге, где вынуждена работать, а в своей далекой родной деревне, на фестивале, вместе со своими близкими и родными.

– Мы ожидаем, что завтра нам привезут свежий выпуск брошюр, – сказала Итан. – Вы хотели бы помочь нам распространять его? Нам нужны помощники. Мы стараемся раздать как можно больше экземпляров. Обойти все бары займет несколько дней.

– С большим удовольствием возьмусь помочь вам! – с радостью ответила я, поняв, что наконец-то нашла золотое дно для моей работы. Школа Empower законно открыла для меня двери каждого бара в Патпонге, и все это под их покровительством. Прекрасно! Затем Итан записала меня в график по вторникам и четвергам. Теперь я должна была преподавать английский 90 минут в каждом классе.

– Позвоните мне завтра, чтобы проверить, пришла группа или нет.

По пути домой я торжествовала и гордилась собой, что наконец-то стала инсайдером в школе на Патпонге, и теперь смогу осуществить задуманное.

Правда, я почувствовала себя немного виноватой в том, что не рассказала об истинной цели визита в школу к Итан. Я не была честна в своих мотивах, представив себя как студентку, изучающую тайский, а не как аспирантку, изучающую проституцию. После той душевной теплоты, которую пробудила во мне школа, мне захотелось говорить только правду. В любом случае это случилось бы, рано или поздно. Лучше быть откровенной с самого начала. Я чуть было не позвонила Итан, как только возвратилась домой, но решила, что это может подождать еще денек. На следующий день я все-таки набрала ей.

– Нет, брошюры еще не привезли, но мы собираемся сегодня вечером на Патпонг, навестить некоторых девочек, у которых сегодня выходной день. Хочешь пойти с нами?

И я пошла, чтобы встретиться с Итан в очередной раз. По дороге я сначала решила остановиться на Патпонг-3 и Силом-Роуд, чтобы поискать Джека. На углу под ярким солнцем находился дешевый тайский ресторан, двери которого были открыты. Влажный тайский воздух медленно колыхался, просачиваясь во все открытые помещения. Напротив него в тени стоял продавец джекфрутов,

приторговывая заодно контрабандными Мальборо, а рядом, возле припаркованных мотоциклов, сидел одноногий нищий, склонив голову к земле. Увидев его, проходящие мимо туристы ускоряли шаг, стараясь побыстрее пройти это место. Рядом с ним женщина продавала какие-то кустарные изделия. В отличие от Патпнг-1, на котором был запрещен проезд автотранспорта ночью, на Патпнге-3 припарковывались автомобили с обеих сторон. Это была тупиковая улица, одни только зазывалы сейчас стояли посередине.

– Оах, – увидев меня, произнес Джек и протянул мне руку. Мне никогда не нравилось обмениваться рукопожатиями, и еще меньше мне нравилось делать это здесь. К сожалению, здесь это часто практиковалось. Но рукопожатие очаровательного Джека не было таким уж неприятным.

– Мы идем для кофе? – сказал он, указывая вниз по Силом-Роуд на бесчисленные освещенные неонам кафешки.

– Нет, нет. Не сегодня. Я на встречу бегу.

У меня не было никакого желания пить с ним кофе. Беседовать на улице это одно дело, но продолжать беседу с сутенером в приватной обстановке, где был большой риск, что он меня соблазнит – нет, это была не очень хорошая идея. Но тем не менее я оценила, что он переключился с отеля на чашку кофе.

Я пошла дальше. За углом, на Патпнга-2, находился бар Rifi, он был на первом этаже. Большая часть всех гоу-гоу баров были на первых этажах. Своих танцоров они одевали в бикини или костюмы, состоящие только из одного предмета. Бары со стриптизом, трюк-шоу и секс-шоу были обычно на втором этаже.

Если внезапно прибывала полиция, то швейцар внизу мог позвонить на второй этаж, и пока те поднимались по лестнице, у девочек было время быстро среагировать на ситуацию. Фактически проституция считалась непристойностью и была незаконна. Однако полиция несомненно знала, что творилось в барах на втором этаже, а взятки и укрывательство практиковались повсеместно. В случае с барами, где просто грабили туристов, полиция взяточничала в огромных масштабах. Тем не менее, далеко не все учреждения Патпнга активно дурили своих клиентов. Большинство баров, хотя и не были особо законопослушны, но в своей внутренней деятельности все же старались быть честными со своими клиентами.

В баре Rifi двенадцать девушек, одетых в бикини, танцевали на главной сцене, и еще двое – возле стены. Итан сидела за столом в окружении таек, которые смотрели на нее с теплотой во взгляде.

– Должна сказать тебе кое-что, – произнесла я, улучив момент. – Хочу сказать, что я здесь в Таиланде для изучения проституции. Я думаю, что ты должна об этом знать.

На ее лице появилась странная улыбка, и она отвернулась. Она ничего не сказала. Как жаль, что у меня не было навыков дипломатии, наверное, можно было сказать ей об этом как-то по-другому. Полчаса спустя мы с Итан и тремя девушками, у которых был выходной день, уехали оттуда. Когда мы ехали в ресторан, четыре девушки так смеялись, что раскачивалось такси. Тайки, казалось, обожали Итан. Но я чувствовала, как от нее в мою сторону веет прохладой.

На следующий день я позвонила Итан, чтобы узнать о брошюре. Мне показалась, что она не сильно обрадовалась, услышав мой голос по телефону.

– Да, мы получили их, но сегодня вечером мы не собираемся их распространять, – ответила она со вздохом. – Сейчас мне надо бежать. Но я что-то еще хотела сказать... Ах да, мы поговорили и решили, что не нуждаемся больше в учителях до следующего срока. Возможно, в следующий раз, но пока нет, – добавила она.

Я чувствовала, что она хотела избавиться от меня. Меня это взбесило. Зачем я вообще упомянула это свое исследование? Не надо было говорить ей об этом вообще.

На следующий день я позвонила ей снова, не боясь отказа, потому что очень не хотела терять эту возможность.

– Ой, извини, – сказала Итан. – Мы передумали вчера вечером и решили выдать тебе брошюру.

А я уж было чуть не потеряла последнюю надежду на возможность внедриться в бары и обойти их все за несколько дней. Школа Empower приняла меня. Тем же вечером мне позвонил Сеймур по телефону.

– Послушай, тебе нужно быть поосторожнее. Мафия ищет тебя, – сказал он.

Мафия!? О нет. Теперь еще и это!?

– Тик побывала днем в Limelight Bar, и туда пришел чувак из мафии, и показал всем твою фотографию, и спросил, знает ли кто тебя. Я слышал об этих парнях. Они серьезные люди. Они спросили у Тик, знает ли она тебя, но она сказала им нет. Держись подальше от Патпонга. Им не нравятся люди, задающие вопросы. Жди, пока Тик не найдет для тебя связи.

– Какая фотография? Кто на ней был?

– Ты и девушка из бара, это все, что я знаю.

Я с девушкой из бара? Может, это было, но только не в Rififi, потому, что я никогда не была там ни с какими тайскими девочками. Это могло быть только в баре Winner с Понг.

Я не сомневалась, что у менеджера того бара могут быть связи с сомнительными типами, и у него был мой номер телефона и, возможно, он и позвонил им. И я показывала Понг улицу, на которой я жила, когда мы ехали в такси. Я была единственной белокурой женщиной, живущей в этом районе, насколько я знала, и поэтому любой мог бы найти меня. Возможно ли это? Я предполагала, что на Патпонге может быть опасно, но я никогда не думала, что кто-либо увидит во мне угрозу. Никто в моей жизни никогда не относился ко мне серьезно, и уж тем более никто не считал меня угрозой. Всю жизнь притворяясь глупой блондинкой, я была уверена, что могу пройти через любые препятствия как призрак, на который никто не обратит внимания, кроме озабоченных мужиков. Я не сомневалась, что Сеймур верил в эти истории, но мне казалось, что Тик наврет мне что угодно, лишь бы обеспечить себе работу помощника и переводчика. Нужно ли мне забыть на сотрудничество с Тик? Помощником и переводчиком она никогда мне не была. Она определенно врала о том, что была на Патпонге тем днем. Я знала, что я нужна Limelight бару не больше, чем какая-нибудь уборщица. Тик, возможно и не проводила никакого интервью. Это была ложь не только по отношению ко мне, но это также было ложью и по отношению к Сеймуру. Если подумать, мне нужны-то были всего лишь простые данные. Вместо того, чтобы рассматривать проституток Патпонга как беспомощных жертв обстоятельств, я стала считать, что они умные женщины, которые видели свою возможность зарабатывать и хватались за нее. Я хотела продемонстрировать их, как актрис на их собственных шоу, ведь они действовали вполне логично, шагая по жизни. В этом ключе Тик подтверждала это, но она была единственной, кто был у меня.

– Ладно, благодарю за предупреждение, – сказала я Сеймуру прежде, чем повесить трубку. Я не стала озвучивать ему свои мысли о его жене.

Я должна была найти подход к этим женщинам вне зависимости от чего-либо, даже если бы они придумывали свои истории, чтобы испугать меня до смерти. Очевидно, что у Тик не было никаких угрызений совести при выполнении моего задания.